

городъ“ и на пескахъ прикаскихъ, гдѣ было селеніе, явился сначала городокъ, а теперь уже и городъ, порядочно обстроенный. Сильнымъ земли много надобно имѣть благоразумія и осторожности, чтобы потомство съ именемъ ихъ соединило благословеніе. Ихъ слова подслушиваютъ и вторить пустыни; даже думы ихъ оставляютъ слѣды на мѣстахъ.

(Продолженіе будетъ).

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе) (*).

Въ то время какъ Православіе и славянская народность поддаются владычеству мусульманства и турецкаго племени, начинается возвышаться держава, связанная со всѣми турецкими христіанами узами единовѣрія, а со многими изъ нихъ сверхъ того еще и узами единоплеменности. Выстрадавши положенное Богомъ время подъ игомъ того-же самаго мусульманства, справившись съ бусурманною и одолѣвши его силу у себя, Россія по естественному сочувствію, не могла оставаться глухою къ мукамъ и страданіямъ единовѣрныхъ и единокровныхъ съ нею христіанъ. Поэтому еще за долго до настоящаго времени, когда славянская идея, то есть идея кровнаго родства Россіи съ Славянами, подвластными Турціи(**), вошла въ сознаніе всей Россіи и стала общимъ достояніемъ, Россія въ лицѣ своихъ вѣнценосцевъ ясно сознавала свое не только кровное, но и духовное родство не съ одними славянами, но и всѣми христіанами, населяющими Турецкую имперію, и живо представляла себѣ сущность того, что нынѣ царствующій Вѣнценосецъ Россіи называлъ „святымъ призваніемъ“ Россіи. И такъ, призваніе Россіи быть оплотомъ Православія въ мірѣ... Суровое равнодушіе, прямое не доброжелательство Запада къ дѣлу восточныхъ христіанъ, есть безъ сомнѣнія самое позорное явленіе нашего вѣка. „Идея нести Евангеліе на жертву корана — безчеловѣчна и антихристіанска“, говорилъ даже Вольтеръ(***). Последняя война Россіи съ Турціею обнаружила одну изъ самыхъ глубокихъ язвъ, ко-

(*) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 1, 2, 19, 23, 24, 26, 32, 33, 34, 35, 40, 41 и 48 1879 г.

(**) Еще въ 1578 г. Джакомо-Соранцо, бывшій представителемъ венеціанской республики въ Константинополѣ, писалъ оттуда, между прочимъ: „Султанъ боится Великаго Князя Московскаго преимущественно потому, что Москва принадлежитъ къ той-же Греческой церкви, въ которой принадлежатъ жители Болгарин, Сербин, Морен и Грецин, которые поэтому очень преданы Московскому Князю. Населеніе это всегда готово взяться за оружіе, чтобы освободиться изъ подъ турецкаго рабства и подчиниться владычеству Москвы“. Россія и Сербія. Н. Попова. Т 1. стр. 5.

(***) „Церк.-Общ. Вѣсти.“ 1877 г. № 29, стр. 6.

торыми въ давнихъ поръ страдаетъ западное общество въ религіозномъ отношеніи. Она во очію показала, до какихъ ужасающихъ размѣровъ дошло въ Западной Европѣ религіозное невѣріе ко всему истинно высокому и благородному. Католическая Европа въ просвѣщенный 19 вѣкъ, равнодушно отнеслась къ гигантскимъ усиліямъ православной Россіи, съ геройскимъ самоотверженіемъ принявшей вызовъ, брошенный цивилизаціи, правдивности и вѣрѣ Христовой, безчеловѣчнымъ чудовищемъ религіозной и политической тираниіи. Начатое Россією великое дѣло освобожденія восточныхъ христіанъ и въ протестантскихъ страдахъ Западной Европы вызвало реакцію, встрѣтившуюся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Здѣсь всплыла наружу цѣлая масса протихристіанскихъ сочиненій, посвященныхъ безумной защитѣ мохаммедапта. Люди, которые во всякое время готовы развѣчать дюжину законовъ королей — социалисты и коммунисты, являлись ревностными защитниками легальности, дрожали за малѣйшее нарушеніе священныхъ и неприкосновенныхъ правъ высокой Порты, воехвалили культурныя заслуги для европейской цивилизаціи арабовъ 9-го вѣка и турокъ 19-го вѣка, выставляя Турцію школою вѣротерпимости и образцомъ достойнѣйшимъ подражанія для всей остальной Европы. Люди, которые надѣляются въ своихъ теоріяхъ обезьянье способностью развиваться до человѣка, отказывали во всѣхъ человѣческихъ правахъ милліонамъ христіанъ, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ, отрицали въ нихъ способность къ развитію до степени полноправныхъ гражданъ и обрекали на вѣчное рабство. Такое черствое, безсердечное отношеніе къ братьямъ — христіанамъ, граничащее съ звѣрствомъ, могло развиваться только въ той средѣ, гдѣ христіанская цивилизація утратила свое значеніе, гдѣ царить полное невѣріе и самый узкій эгоизмъ... Поэтому-то именно въ рѣшеніе восточнаго вопроса допускаются всѣ комбинаціи, кромѣ самой здравой, самой простой и естественной. Даже такъ можно сказать: чѣмъ неестественнѣе предполагается разрѣшеніе, тѣмъ скорѣе и схватится за него общественное и общее мнѣніе Европы: Въ исходѣ послѣдней войны нашей съ Турцією, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ нашихъ армій, враги освобожденія христіанъ изъ подъ турецкаго ига перемѣнили свою тактику. Прежде они открыто дѣйствовали противъ дѣла освобожденія славянъ, открыто сѣяли вражду противъ славянскаго племени. Даже сотни тысячъ избитыхъ болгаръ не только не возбуждали въ нихъ чувства обыкновеннаго состраданія, но вызывали въ нихъ сомнѣніе въ неопровержимо доказанныхъ фактахъ турецкаго звѣрства

и иногда даже глумленіе надъ несчастнѣйшими жертвами турецкихъ жестокостей и насилій... Теперь они торжественно провозглашаютъ, что дѣло освобожденія славянъ и вообще восточныхъ христіанъ, само по себѣ хорошее дѣло, но что это дѣло не можетъ выполнить Россія, стремившаяся лишь къ захватамъ и завоеваніямъ, преслѣдующая, по восточному вопросу, — себялюбивыя цѣли... „Но если вы такъ думаете про нее, зачѣмъ-же вы предоставляете ей совершить одной—великое дѣло?.. Неужасная-ли вещь—вишуть христіанскимъ населеніямъ Турціи, что имъ нѣтъ другой надежды, другаго спасенія кромѣ Россіи? Самъ *Блюмчи*, лучший и вліятельнѣйшій изъ современныхъ юристовъ, мнѣніе котораго пользуется безусловнымъ авторитетомъ, признаетъ, что *вся дѣятельность Россіи по отношенію къ турецкимъ христіанамъ были вполне законны*“(*). И хотя Россія не разъ дала ясныя доказательства своего великодушія и безкорыстія, не разъ отказывалась отъ плодовъ самыхъ блестящихъ своихъ побѣдъ, чего на ея мѣстѣ не сдѣлала-бы никакая другая держава, тѣмъ не менѣе ее продолжаютъ подозрѣвать въ постоянныхъ проискахъ, въ желаніи *per fas et nefas* достигнуть своихъ какихъ-то завоевательныхъ цѣлей(**), самые честные поступки безсовѣстно истолковываются въ самую неблаговидную для нея сторону. Но провѣримъ, но посмотримъ, такъ разсуждаютъ теперь сами оттоманы о своихъ западныхъ радѣтеляхъ—цивилизаторахъ? Въ *Оттоманской корреспонденціи* отъ 20 окт. 1878 г., сказано слѣдующее: „Россія совершивъ силой оружія значительныя завоеванія въ Оттоманскихъ владѣніяхъ, предоставляетъ нынѣ своей политикѣ заботу о завершеніи своего дѣла. Раня солдатъ пораженныхъ на поляхъ битвы едва зажили, какъ уже обѣ имперіи (по видимому) забыли свою ненависть, чтобъ установить между собою дружественное согласіе. Этотъ поворотъ въ отношеніяхъ обохъ государствъ не должно ни кого удивлять: не рѣшительное и не опредѣленное положеніе

(*) Въ Сибѣ Отечества стат. „Гладстонъ о Турціи и Россіи“ въ 106 № 1877 г.

(**) Намр. 1829 г. русскимъ войскамъ ничего не стоило взять Константинополь, но слово покойнаго Государя остановило ихъ побѣдоносное шествіе въ столицѣ Турціи. Въ деклараціи Императора при началѣ войны въ 1853 г., между прочимъ, сказано: правда, Босфоръ теплѣе, пріятнѣе и красивѣе Петербурга и Москвы; но съ того момента, какъ царская резиденція будетъ перенесена въ Константинополь, Россія перестанетъ быть Россіею... Никто не захочетъ видѣть Кремль перенесенный въ семибашенный замокъ. См. брошюру Э. де-Жирардена „Позоръ Европы“ гл. 14.

„Не ищу пріобрѣтенія новыхъ земель, отвѣчалъ Петръ I кн. Каптеміру, (поздравлявшему его съ побѣдами въ Персіи), ихъ у меня и безъ того много: ищу воды...“ (Русск. Архивъ. 1877 г., № 10, стр. 166). Слово Петра еще разъ вѣдано русскими штыками въ Балканскіе утесы и не можетъ быть изглажено дипломатическими каверзами.

Европы съ самаго начала компликацій, и въ особенности положеніе въ Англіи, которая не переставала манить Порту обманчивыми обѣщаніями, заставили крѣпко призадуматься турецкихъ государственныхъ людей, которые теперь болѣе чѣмъ когда-либо спрашиваютъ другъ друга, не лучше-ли было прежде, *и не лучше-ли еще и теперь откровенно броситься въ объятія Россіи*, чѣмъ истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ благопріятныхъ исключительно для европейской политики и не доставляющихъ никакой выгоды имперіи. И дѣйствительно, говорятъ они, кто былъ причиною не надежнаго положенія въ которомъ мы находимся нынѣ, если не держава отказавшаяся подписать Берлинскій меморандумъ, который-бы мы приняли съезъ этого отказа, что уладило-бы вопросъ и не допустило-бы насъ до паденія? Кто обманывалъ насъ во все продолженіе враждебныхъ дѣйствій тщетными надеждами и такимъ образомъ побуждалъ насъ продолжать борьбу, бесплодность которой мы понимали и которую мы могли прекратить гораздо прежде роковаго часа, когда непріятель сталъ лагеремъ подъ самыми стѣнами Константинополя? Кто еще и теперь, когда страна наша раздроблена, поражена на смерть, неспособна къ самой слабой защитѣ, усиливаетъ наше раздробленіе, захватывая себѣ одинъ изъ лучшихъ острововъ Архипелага? Кто наконецъ, если не Англія, вмѣшивается какъ повелительница въ управленіе нашею имперіей, — Англія, которая ничего не сдѣлала чтобы защитить насъ и чтобы приобрести право руководить нами? Мы полагались на нее, какъ на нашего лучшаго друга; до послѣдняго часа она питала насъ горькими иллюзіями и льстила насъ надеждой, что въ данную минуту ливнетъ къ намъ на помощь, и нынѣ, когда мы подавлены, уничтожены, истощены, выданы руками и ногами Россіи, мы понимаемъ, увы! слишкомъ поздно, обманчивое положеніе этого правительства въ отношеніи къ намъ“ (*).

Таково мнѣніе о политикѣ Европы и дѣйствіяхъ Англіи вообще, высказываемое во всѣхъ сферахъ турецкаго міра. Отъ того на нее взираютъ всѣ съ возрастающимъ недоувѣріемъ даже и тѣ, которые наиболѣе уважали ее и наиболѣе на нее полагались; каждый перебирая свои воспоминанія, припоминаетъ то, что такъ часто говорилось объ извилистой политикѣ Великобританіи, и зпитеть *Perfiede Albion* (коварный Альбіонъ) нынѣ во всѣхъ устахъ и произносится по-французски даже тѣми, которые не говорятъ на этомъ языкѣ... Положеніе это имѣетъ свое значеніе, и нынѣ ни для кого не тайна, что Ан-

(*) См. „Москов. Вѣдом.“ за 1878 г. Окт. 1. № 247, стр. 4.

глія совершенно потеряла мусульманскія симпатіи. Можетъ наступить время, что придется намъ—Русскимъ, не у Турціи отнимать Константинополь, а вмѣстѣ съ Турціей отстаивать Константинополь противъ Англіи. Время это если не наступаетъ, то зачатки сознанія по-крайней-мѣрѣ уже возникаютъ среди турокъ,—того сознанія, единственно правильнаго, что судьба ихъ отечества исключительно зависитъ отъ Россіи; что единственно опасна для Турціи держава, есть Россія и что она-же есть и можетъ быть единственной ея защитницею. Какое-же практическое заключеніе отсюда? Тоже самое, къ которому пришелъ нѣкогда Махмудъ II, послѣ тщетной борьбы вручившій судьбу своей имперіи вполне великодушію царя. И никогда Турція не была такъ спокойна, какъ въ дни полного своего нравственнаго подчиненія Россіи. Наполеонъ III временно смутилъ этотъ покой Порты; Парижскій трактатъ надмилъ ее. На разочарованіе должно было наступить и наступило: кровавыми чертами написала послѣдняя брань наша правоученіе Портѣ: „не надѣйся ни на кого и не вѣрь ни кому; только цѣною полного послушанія Россіи и полного исполненія ея требованій, какъ-бы ни казались онѣ по вѣщности тягостны и унизительны, ты можешь купить остатки спокойствія и сохранить послѣднюю твою независимость“. Замѣчательно въ этомъ отношеніи вопль, вырвавшійся изъ турецкой груди и огласившій Европу чрезъ Британскую-же печать. Мы говоримъ о письмѣ, присланномъ въ Times изъ Константинополя, и принадлежащемъ лицу, какъ увѣряетъ корреспондентъ Таймса, стоящему въ близкихъ отношеніяхъ къ сановникамъ Оттоманской имперіи. Турокъ пишетъ:

„Мы здѣсь начинаемъ открывать глаза на серьезность нашихъ бѣдствій. Средства наши истощены, казна наша пуста, продовольствіе наше израсходовано. Нужда прокралась за наши стѣны, и въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ нашихъ домовъ раздаются только жалобы женъ и проклетія старцевъ. Мы не хотимъ болѣе знать Европы... Въ настоящее время *русскіе тѣ люди, которые меньше всего не завидятъ насъ*; то, чего они хотятъ, всегда было намъ извѣстно, такъ-какъ они никогда не скрывали этого и не разочаровывали насъ въ нашихъ надеждахъ... Мы поставимъ себя скорѣе подъ русскій протекторатъ, чѣмъ положимся на воображаемыхъ покровителей, которые складываютъ руки во время нашей агоніи. *Протекторатъ Россіи будетъ искреннимъ*, какъ только она добьется тѣхъ условій, которыя она намѣрена положить на насъ. Намъ говорятъ, что такимъ образомъ

мы потеряемъ Египетъ. Не важность! Мы недостаточно сильны, чтобы удерживать Египетъ въ своей вассальной власти. Дѣло Европы — смотрѣть, придется-ли ей это по вкусу. Но мы очень хорошо знаемъ, что Европа существуетъ еще меньше насъ. Германія передаетъ насъ изъ рукъ въ руки Россіи. Она улачиваетъ свой долгъ признательности на нашъ счетъ. Австрія ни о чемъ не будетъ заботиться, если только ея снисходительность будетъ куплена клочками турецкаго тѣла; по ея неяснымъ желаніямъ будетъ положена преграда. Франція играла въ руку русской политикѣ до тѣхъ поръ, пока имѣла голосъ въ этомъ дѣлѣ. Теперь она не говоритъ ничего, потому что никто больше не прислушивается къ ней. Италия сторожитъ Австрію. Она также не прочь-бы получить и подстерегаетъ только Австрію, когда та доставитъ ей пріятный предлогъ. Объ эти націи когда нибудь отомстятъ за насъ другъ другу. Что же касается Англіи, то въ настоящее время мы сердиты на нее больше всѣхъ. *Мы ненавидимъ ее больше русскихъ и несравненно больше предпочли-бы видѣть въ Востокѣ русский флотъ, чѣмъ англійскій.* Не знаемъ, не сдѣлали-ли намъ болѣе зла тѣ, которые называютъ себя торіями, но объ партіи сдѣлали все, что только могли, чтобъ ускорить наше разрушеніе“ (*). Не даромъ, вѣрно, Вѣнскій Tagblatt пророчитъ Россіи полное обладаніе Востокомъ. „Кому достанется Востокъ?“ спрашиваетъ враждебный Россіи органъ, и отвѣчаетъ: „Востокъ достанется Россіи, онъ принадлежитъ Славянству“ (**).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Константинъ Добросердовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

на ежедневную, безцензурную, политическую и общественную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

Газета будетъ выходить ежедневно въ форматѣ нашихъ большихъ газетъ по слѣдующей программѣ: постановленія и распоряженія правительства; телеграммы; обзоръ политическихъ событій и общественной жизни; обсужденіе вопросовъ дня; военныя извѣстія; мнѣнія русской и иностранной печати по данному вопросу и сущность руководящихъ статей; иностранныя извѣстія по русскимъ и заграничнымъ источникамъ; извѣстія изъ славянскихъ земель. Жизнь Россіи: наши домашнія дѣла; корреспонденціи; народное образованіе; внутреннія извѣстія; хроника; хроника научная, литературная и художествен-

(*) Замѣчательное искренностію письмо это перепечатано въ „Современ. Извѣст.“ за 1877 г. Дек. № 332.

(**) *ibid.*, № 336.